

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

на

•
•
•
•

вс.

пр.

Маленький фельетон. Чеховъ и жизнь.

(По поводу исполняющейся 17 января с. г. 49—тилетней годовщины со дня рождения)

Грустная поэзия Чехова, полная невыявляемой прелести для одних, оставалась непонятной и необъяснимой для других, и еще за несколько месяцев до смерти Антона Павловича в «Вѣстникъ Европы» появилась такая статья известного теперь критика, который пытался разрушить художественное очарование Чехова и предсказывал, что творчество Чехова очень скоро забудется..

2-го июля 1904 года Чеховъ умеръ и въ тотъ-же день жизнь опровергла рискованное предсказаніе нечуткаго критика: усопшему писателю было оказано такъ много неопровергаемаго, трогательнаго вниманія, о смерти его произошло такъ много искреннихъ горячихъ слезъ, что великое, неисчерпаемое значеніе творчества Антона Павловича сразу стало для всѣхъ очевиднымъ и неопровержимымъ. За гробомъ шла многотысячная толпа, и скорбь, какъ тѣнь, лежала на лицахъ, а къ могилѣ Чехова, къ скромной могилѣ въ московскомъ Новодевичьемъ монастырѣ—до сихъ поръ приходятъ одинокіе печальные люди и съ кроткимъ благоговѣніемъ опускаются передъ ней на колѣни и, кажется, слышатъ тихій голосъ утешаго: «мы отдохнемъ, мы услышимъ ангеловъ и увидимъ небо въ алмазахъ»... Какъ будто каждый изъ насъ похоронилъ не только талантливаго человѣка, но человѣка крайне близкаго, родного, безконечно—дорогого, всѣхъ понимавшаго, всѣхъ облакшавшаго, всѣмъ и все простиавшаго... Какъ будто вмѣстѣ съ его прахомъ мы навсегда опустили въ могилу какой-то нездѣшній, прекраснѣйшій свѣтъ, который уже никогда болѣе не вспыхнетъ, но который такъ тепло и нѣжно, озарялъ нашу трудную несчастную, неслладную жизнь, и тамъ, вдали, общалъ иную жизнь, «чистую, изысканную, сладкую, какъ ласка»...

Да, все это такъ и есть: въ лицѣ Чехова Россія скоронила великаго писателя, произведеніемъ котораго суждено жить еще долго, долго,—такъ говорить действительность.

Проникновеннымъ, пронизывающимъ взоромъ умнаго, глубоко—вдумчиваго наблюдателя—художника окинулъ Че-

ховъ необозримая пространства своей многострадальной родины и увидалъ язвы и раны ея, и понялъ муки ея, и подливалъ горькую грусть ея, которой не видно конца... Онъ понималъ, что счастье и радость, красота, свобода, какъ сказочныя царевны, скрываются за семейдѣстною зачаканью, въ заколдованныхъ теремахъ, и путь въ нѣмъ дологъ и мучительно—труденъ, и не разъ уже люди возвращались въ долину тьмы и тоски, изъ которой вышли и гдѣ ихъ, какъ тина, снова и снова станетъ засасывать ошлость... Онъ понималъ, что эта ошлость безсмертна, что вѣчнымъ фантомъ призракомъ рѣшетъ она надъ землею, заслоняя собою пылающее солнце и голубое небо, что люди скопаны ею, какъ невидимыми цѣпями, что, проклиная ее, они продолжаютъ быть ея рабами, а она—торжествоющая, всепобѣдная—сторожить какое наше движеніе, каждое слово, каждую мысль... Онъ понималъ, что люди, какъ птицы въ снѣгахъ, безпомощно бьются въ пѣлну будничныхъ мелочей, суесть и пошлости, въ томъ незамѣчаемомъ иногда, но страшномъ пѣлну, гдѣ безпощадной ироніей звучитъ величайшая и прекраснѣйшая заповѣдь:

— «Духа не угашайте!»

Онъ понималъ, въ чемъ главный ужасъ человѣческой жизни, и въ своемъ творчествѣ онъ, какъ Достоевскій, земно поклонился не дядѣ Ванѣ, изъ больницы изъ «палаты № 6», не грѣлъ сестрамъ, а поклонился всему нелѣпическому страданію, всей безпредѣльной міровой тоскѣ..

Оттого-то произведенія Чехова имѣютъ большое, общечеловѣческое значеніе; оттого-то они глубоко закладываютъ въ души читателей и долго, долго не забудутся.

Не забудется дядя Ваня, «который не зналъ въ своей жизни радости», и его племянница Соня, кроткая дѣвушка съ золотымъ сердцемъ; не забудется Нина Зарѣчная—несчастная юдштрѣбленная чайка, и тоскующая три сестры, и полковникъ Вершининъ, мечтающій о томъ, что черезъ 100—300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо—прекрасной, замѣчательной; не забудется доверчивая Липа изъ «Оврага», и прелестная Миссюсъ изъ «Домика съ мезониномъ», и обаятельная Аня изъ «Вишневаго сада», и непонятая Вѣрочка изъ разказа того-же названія; не забудется Егорюшка изъ «Степи», и играющая компанія «Дѣтвора» и спящій юдмастеръ Ванька, отправившій письма «на деревню, дѣдушкѣ», и много, много другихъ... Ибо на всѣхъ этихъ людяхъ лежитъ благословеніе чуткаго и бездонно—глубокаго Чеховскаго сердца, всѣхъ понимавшаго, всѣхъ облакшавшаго, всѣмъ и все простиавшаго...

Г. Вяткинъ.